

ЛИТОВСКОЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ В 1920–1939 ГГ. В ОЦЕНКАХ МЕСТНОЙ ПОЛЬСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Александр Вабищевич

Кандидат исторических наук
Заведующий кафедрой истории культуры и религии
Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина
Республика Беларусь
Телеф. 21 90 78
E-mail: vabischev@ramber.ru

Деятельность литовских культурно-просветительских организаций в Польше в период между Первой и Второй мировыми войнами изучается учёными уже несколько десятилетий. В работах Б. Маковского [1; 2], В. Марцинкена [3], З. Зинкявичуса [4] и других исследователей история Литовского просветительского товарищества „Ритас“ (Lietuvių švietimo draugija „Rytas“), Литовского товарищества воспитания и опеки молодежи имени Св. Казимира (Lietuvių šv. Kazimiero jaunimui auklėti ir globoti draugija) и других национальных организаций показана в контексте положения литовцев в Польше. В основном излагалось становление, развитие сети культурно-просветительских организаций на территории современной Литвы. Просветительское движение на белорусско-литовском пограничье отдельно не являлось объектом изучения, за исключением некоторых работ (коллективной монографии о литовцах Лидского края [5] и др.). Несмотря на солидную

источниковую базу (материалы периодики 20–30-х гг. XX в., документы из архивов Литвы, Польши и др.), в вышеперечисленных исследованиях не присутствовали материалы из фондов архивных учреждений Беларуси. Почти не использовались они и белорусской историографией, которая не затрагивала проблемы национально-культурной жизни литовцев межвоенного времени. Лишь фрагментарно указанная проблематика освещена автором в одной из глав многотомного издания по истории Беларуси [6, с. 437–438].

Главной целью данной статьи является отражение литовского культурно-просветительского движения в пограничных белорусско-литовских местностях в отчётных документах представителей местной польской администрации (чиновников уездного и воеводского уровней). Из используемых источников (преимущественно из архивов Беларуси, а также Литвы, Польши) значительная часть впервые вводится в научный оборот.

Автор исходил из того, что большая часть литовского населения приходилась на территорию Свенцянского и Виленско-Трокского уездов Виленского воеводства, вошедшую в состав Литвы в 1939–1940 гг. В Белостокском воеводстве литовцы компактно проживали на литовско-польском пограничье – в Сувалковском и Августовском уездах (в польской и литовской историографиях последних десятилетий цифры численности литовского населения в межвоенной Польше колеблются в пределах 80–250 тыс. человек [1, с. 323; 4, с. 219; 7, с. 126]). В пограничных белорусско-литовских местностях литовцев было меньше, хотя некоторые гмины выделялись их ощутимым присутствием – в Гродненском уезде (гмина Поречье, северная часть гмины Бершты). В Новогрудском воеводстве следует отметить Лидский уезд (особенно гмину Радунь), в других уездах присутствие литовцев было незначительным [8, с. 243–245]. Литовское население проживало в гминах Гервяты Виленско-Трокского уезда, Девянишкес Ошмянского уезда (отдельные деревни были заселены полностью или частично литовцами), Римшаны Браславского уезда, а также в окрестностях населённых пунктов Видзы, Миоры, Друя. Незначительное число литовцев было зафиксировано в Поставском, Вилейском и Дисненском уездах.

После присоединения Виленщины к Польше гражданская администрация на местах, служба безопасности внимательно следили за всякими проявлениями общественно-политической и национально-культурной деятельности непольского населения. В еженедельных, ежемесячных, квартальных ситуационных отчётах властей различных уровней фиксировались настроения национальных меньшинств.

Данные отчёты больше изобилуют фактическим материалом, чем аналитическими выводами, однако они содержат весьма ценные, хотя нередко и субъективные, оценки литовского движения. Польская служба безопасности и полиция использовали для сбора сведений тайных агентов (конфидентов). Однако «качество» представленной ими информации не всегда удовлетворяло полицейские органы. Например, на собрании комендантов участков Дисненского уезда Виленского воеводства 7 октября 1926 г. полицейских подвергли острой критике за слабую заинтересованность жизнью национальных меньшинств, недостоверную и запоздалую информацию [9]. Несмотря на последовавшее усиление контроля за литовским движением, польским властям не удалось создать разветвлённой агентурной сети. На конференции уездных старост Новогрудского воеводства 14 декабря 1933 г. местные власти Лидского уезда подверглись сильной критике за то, что не располагали полной информацией о литовском движении, не наладили «организованной разведки» при помощи конфидентов [10]. Однако и после этого информированность польской администрации существенно не изменилась. Создать обширную агентурную сеть было сложно, так как в общественном сознании литовцев того времени преобладали патриотические настроения. Неприятие Польского государства и поляков были весьма распространёнными в среде литовской общественности [11, с. 221–228]. Всякое сотрудничество с польской администрацией рассматривалось в качестве национального предательства.

Сознание польского населения (в том числе чиновников местной администрации, которые пополнялись присланными с

центральных и западных польских регионов) формировалось под мощным воздействием государственного пропагандистского аппарата [12]. Негативный образ литовского народа, стереотип «зловредного карлика» формировался при активном участии польских периодических изданий (особенно национально-демократической ориентации). Например, на страницах газеты «Dziennik Wileński» акцентировалось внимание на непримиримом антипольском отношении литовского населения. Пренебрежительное отношение особенно бытовало среди чиновников низшего звена. Даже представитель пилсудчиков Т. Голувко предлагал внести радикальные изменения в личный состав нижнего и среднего звена польской администрации в восточных воеводствах, настаивал на том, чтобы там работали лица, владеющие языками национальных меньшинств.

Однако в течение всего межвоенного периода не придавалось должного внимания подбору кадров, которые владели бы литовским языком, знали обычаи и традиции литовцев. Например, в ноябре 1937 г. в ряде уездов Новогрудского воеводства (Воложинском, Слонимском, Щучинском, Новогрудском, Столбцовском, Несвижском) не было ни одного полицейского, который бы владел литовским языком. Даже в Лидском уезде, где было заметным присутствие литовцев, был только один такой полицейский [13].

Ещё с начала 1920-х гг. особую обеспокоенность у польских властей вызывал переход литовских ксендзов к «полностью открытой, смелой, отчётливо антигосударственной деятельности, направленной на реализацию претензий и требований Ковенской Литвы» [14]. В мае 1923 г. ксендзы

и учителя-литовцы активизировали пропаганду на территории Лидского уезда [15]. Комендант пограничной полиции Гродненского уезда отмечал, что ксендзы «всё время твердят, что скоро здесь будет Литва...» [16]. Такие действия ксендзов-литовцев квалифицировались польскими чиновниками не иначе, как антигосударственная деятельность. Комендант государственной полиции гмины Бершты Гродненского уезда в отчёте за октябрь 1926 г. подчеркивал, что под влиянием ксендзов местное литовское население неприязненно относилось к Польскому государству, надеялось на присоединение к Литве [17]. Хотя Литва оказывала материальную и моральную поддержку литовскому населению Виленщины, однако польские власти её абсолютизировали. Во всякой активизации литовского движения они видели исключительно «руку Каунаса». В отчётах полицейских органов литовских деятелей различных политических взглядов признавали приверженцами «крайнего шовинизма». Документы отчётливо свидетельствуют о том, что под воздействием разъяснительной работы ксендзов в сознании местных литовцев укреплялось убеждение о временном характере включения Виленского края в состав Польши.

Отчеты чиновников низшего звена польской администрации являются источниками (хоть и не бесспорными) для дальнейших исследований межэтнических взаимоотношений в пограничных местностях. Сосуществование польского и литовского сообществ показано в контексте напряжённых межгосударственных отношений, господствующих тогда этнических и общественных стереотипов. Лишь в отдельных случаях представлены фрагменты бело-

русско-литовского сосуществования. Комендант участка государственной полиции гмины Бершты Гродненского уезда Линднер в отчете за январь 1928 г. попытался осветить настроения местных белорусов и литовцев. По его мнению, наибольшее влияние на белорусов имели члены кружков разгромленной польскими властями в 1927 г. Белорусской крестьянско-рабочей Громады, Товарищества белорусской школы, куда была втянута молодёжь. Так как большинство местного белорусского населения находилось в годы Первой мировой войны в беженстве в России, то именно там оно и было «заражено» коммунистическими идеями. По сведениям полицейского чиновника, литовцы гмины Бершты были более сплочёнными, скрытными и хитрыми, открыто не демонстрировали свои политические взгляды, но мечтали о присоединении к Литве. «Литовское население относится к государству и властям недружественно, однако оно не так сильно разагитировано, как белорусское, и держится всегда более пассивно» [18]. В отчёте за сентябрь 1928 г. опять подтверждается, что литовское население данной гмины ведёт себя спокойно, не проявляет враждебных действий и одновременно относится недружелюбно (правда, не в такой мере, как белорусы) к Польскому государству и властям. Если белорусы делали акцент на общественно-политическую борьбу, то литовцы – на культурно-просветительскую работу. «Литовцы проводят отдельную политику и с белорусами не солидаризируются», – констатировали полицейские гмины Бершты [19]. Подобные оценки настроений литовских крестьян того же участка давались (уже другими полицейскими) в отчёте за 1-й квартал

1932 г.: литовское население проявляет лояльность, но «является скрытным и ожидает перемен». «В школах литовского товарищества «Ритас» детей учат говорить только на литовском языке. Уголовная преступность является исключительно малой, сильны религиозная вера и солидарность» [20]. Следует отметить, что в начале 1920-х гг. из названной гмины в белорусско-польские партизанские отряды влилось более 200 молодых людей. После угасания партизанского движения многие из них нелегально перешли в Литву или Советскую Беларусь.

Внешне субъективные замечания об отсутствии солидарности белорусов и литовцев на местном уровне были отражением произошедших изменений в белорусско-литовских взаимоотношениях после 1923 г. Один из лидеров белорусской эмиграции в Литве К. Дуж-Душевский в отдельной аналитической записке среди причин падения интереса литовской стороны к белорусскому движению называл слабость и разъединённость белорусского национального движения, антибелорусскую позицию поляков и русских, слабую информированность белорусским вопросом и неуверенность в нём литовского общества и др. [21]. Современный литовский исследователь Э. Гимжаускас также подтверждает упадок политического сотрудничества литовцев и белорусов после 1923 г. [22].

На наш взгляд, одной из причин охлаждения отношений было отсутствие тесного сотрудничества между белорусскими и литовскими политическими деятелями. Если национально-демократические силы Западной Беларуси (особенно Белорусская христианская демо-

кратия (БХД)) контактировали с идеологически близкими литовскими партиями и организациями, то со стороны Компартии Западной Беларуси (КПЗБ) наблюдалось игнорирование проблем литовского населения. Руководители Компартии Литвы З. Алекса-Ангаретис и В. Мицкявичус-Капсукас 23 декабря 1925 г. обращались к IV конференции Компартии Польши о неправильности лозунга присоединения Вильно и Виленщины к Советской Беларуси, предложив с идейно-политических соображений придерживаться права наций на самоопределение вплоть до отделения. З. Алекса-Ангаретис в приветственном слове на III конференции КПЗБ 5 января 1926 г. предложил это учитывать на практике. «Население в Западной Беларуси очень пёстрое: в деревнях мы имеем большинство белорусов, в городах большинство поляков и евреев, а во многих округах, деревнях много литовцев» [23]. Однако существенных изменений в этом вопросе руководство КПЗБ не предприняло. Считаем, что затронутая в данной статье проблема взаимоотношений белорусов и литовцев в дальнейшем ещё станет предметом детального научного исследования.

Под контролем польской администрации находились различные структуры литовского движения – школы, культурно-просветительские товарищества. Отрицая их самостоятельный характер, отдельные польские чиновники удивлялись тому, что в некоторых деревнях жители требовали открытия литовских школ. В Лидском уезде в сентябре 1925 г. литовское население стремилось к открытию школ на родном языке. «Литовское население (без исключения) избегает использования польского языка, пользуется исключительно ли-

товским языком и даже на заданные вопросы отказывается отвечать по-польски, ссылаясь на непонимание» [24]. Власти фиксировали антипольские настроения литовского населения, но проявление «антигосударственных выступлений» связывали с наличием или отсутствием активистов [25]. Неприятие элементов польской культуры со стороны как литовцев, так и белорусов отмечалось и в Гродненском уезде [26].

Первоначально литовские школы на белорусско-литовском пограничье были немногочисленными. В ноябре 1924 г. в Виленском воеводстве из 131 литовской школы насчитывалось 77 частных школ, большинство которых располагалось в Свенцяном и Виленском уездах (соответственно 47 и 24). В Ошмянском уезде была только 1 такая школа, в Браславском – 4. Из 54 общественных литовских школ большинство также находилось в Свенцяном уезде, в Браславском – только 2 [27]. По мере развития литовского движения развёртывалась и сеть школ. В 1926/1927 учебном году в Лидском уезде действовала 21 литовская школа (629 учеников) (только в Радуньской гмине было 13 школ, поданы заявления на открытие ещё нескольких), Гродненском – 18 (571 ученик), Браславском – 5 (137 учеников), Ошмянском – 4 (114 учеников) [3, с. 45].

Однако развитие литовского просвещения вызвало волну репрессий со стороны польских властей. Они всячески препятствовали утверждению учительского персонала литовских школ. В декабре 1925 г. школьный инспектор Ошмянского уезда сообщал в Виленский кураториум, что представленные товариществом «Ритас» учителя литовских школ в Дедюлах, Ри-

мошах, Мацюях, Шудойнях не имеют соответствующей профессиональной квалификации [28]. В начале 1927 г. не были утверждены 10 учителей школ, в том числе в ряде деревней Лидского уезда (Пеляса, Пилюны и др.). По указанию куратора Виленского школьного округа 4 октября 1927 г. были закрыты 42 школы, из них 18 – в Лидском уезде [5, с. 147]. Только в Гродненском уезде репрессивным акциям было подвергнуто 15 учителей. Отдельные представители администрации признавали, что закрытие литовских школ и другие действия репрессивного характера только усложняют положение в крае, однако к их мнению не прислушивались.

В деревне Пеляса Лидского уезда в 1930/1931 учебном году в литовскую школу ходило 60 учеников, а в польскую – всего несколько. Вскоре власти закрыли там литовскую школу, однако родители запретили детям посещать уцелевшую польскую школу [4, с. 203]. В 1932 г. в Лидском уезде по-литовски училось 866 детей в 13 школах, из которых только 4 являлись литовскими, остальные – польско-литовскими или польскими, где преподавался литовский язык в качестве предмета. Почти пустыми были польские школы в окрестностях Гервят. В Гродненском уезде товарищество «Ритас» в начале 1930 г. имело 22 начальные школы, из которых – 16 в Марцинканковской гмине, 4 – в гмине Поречье, 2 – в гмине Бершты [29]. В том же Гродненском уезде в 1931/1932 учебном году количество литовских частных школ уменьшилось до 17 (569 детей) с 19 педагогами, из них в гмине Поречье – 1, в гмине Бершты – 2. Через год в Гродненском уезде осталось лишь 7 школ (515 детей) – в Марцин-

канцах, Поречье и других местах – все двуязычные [30].

Острой проблемой частных литовских школ являлась нехватка учебников. Литература, которая печаталась в Литве, не разрешалась для использования в учебно-воспитательном процессе. Только в начале 1932 г. было закрыто 10 школ «Ритас» за использование неразрешённых учебников [31]. Школьный инспектор Л. Краевский отмечал в одном из своих отчётов за 1932 г. о литовской школе в деревне Бижи Марцинканковской гмины следующее: «Воспитание молодёжи идёт исключительно в проковенском направлении. В школе нет карты Польши. Школьная библиотека состоит исключительно из литовских книг, изданных в Ковно». Гродненский староста в ноябре 1932 г. собицал школьному инспектору, что учительница данной школы Е. Чибирова призывала литовских крестьян не пускать своих детей в польские школы [32]. Поэтому её и не утверждали в качестве педагога.

Беспокойство у польских властей вызывали отделы товарищества Св. Казимира. В июле 1927 г. они развернули интенсивную лекционную и организационную деятельность в Лидском уезде. Особенно отличались отделы товарищества в населённых пунктах гмин Радунь, Бенякони, Вороново, Жирмуны [33]. В январе 1933 г. состоялось заседание отдела товарищества Св. Казимира в деревне Пеляса Лидского уезда, на котором присутствовал местный ксёндз. В состав организации тогда приняли 32 новых членов. К следующему месяцу местный отдел товарищества имел уже 70 человек. В декабре 1933 г. Главное правление товарищества Св. Казимира провело в Лидском уезде 7

лекций по различным темам (авиация, связь и т. п.). Литовская культурно-просветительская работа не находила одобрения у местного польского населения. Были случаи противостояния – в деревнях Белунцы и Литвица (гмина Беньакони) лекции не состоялись, так как слушатели потребовали польскоязычных лекций [34]. Несмотря на гонения, весной 1934 г. литовское движение в Лидском уезде усиливало своё влияние [35]. Оживлённую работу отделы товарищества проводили в деревнях гмины Девянишкес Ошмянского уезда, где влияние ксендзов на местное литовское население уже проявлялось в начале 1920-х гг. [36]. Большинство отделов товарищества Св. Казимира действовало в Свянцянском и Виленско-Трокском уездах. По некоторым сведениям, в ноябре 1935 г. они существовали в Лидском (30), Браславском (26), Ошмянском (14), Гродненском (9) уездах [1, с. 138].

Активисты товарищества Св. Казимира вместе с ксендзами-литовцами организовывали демонстративные акции протеста против светских и духовных властей. Например, во время визитов Р. Ялбжиковского вывешивались черные (траурные) флаги в некоторых населённых пунктах – в Гервятах (1928 г.), Пелясе (1931 г.). В патриотическую акцию были превращены похороны 14 сентября 1933 г. священника парафии Колесники гмины Эйшишки Лидского уезда, где к местному населению присоединились литовские ксендзы, культурные деятели из Вильно, студенты [37]. В декабре 1933 г. на площади перед костёлом в Марцинканцах литовское население поставило крест, разукрашенный в литовские национальные цвета. По приказу уездного старосты полицейские пере-

несли крест на кладбище, однако ночью оттуда его выкопали местные жители и вновь воздвигли на прежнем месте [38].

Товарищество Св. Казимира проводило целый ряд массовых акций, осуществляло сельскохозяйственное самообразование. Наиболее распространённой формой деятельности были чтения, особым авторитетом пользовались народные хоровые коллективы. В торжественной обстановке отмечались отдельные исторические события. К 500-летию юбилею смерти князя ВКЛ Витовта (1930 г.) устанавливались кресты и памятники. В мае 1930 г. в Гродненском уезде литовцы готовили торжественную установку памятников Витовту в деревнях, у дорог. Уже в июле этого года началось возведение такого памятника в деревне Кашеты Марцинканковской гмины. В августе 1930 г. в той же гмине оживилась пропаганда школьной акции. Активность проявлял отдел товарищества Св. Казимира в д. Кобели, в который входили бывшие литовские партизаны («решительные враги польской государственности»). Подозрение у полицейских чиновников вызывали внешние атрибуты одежды литовских активистов: члены отделов товарищества Св. Казимира в гминах Марцинканцы и Бершты одевали бархатные шапки с ленточками в национальных цветах и металлическими значками [39]. К 16-й годовщине независимости Литвы были приурочены 16 февраля 1934 г. торжества в Пелясе Лидского уезда (праздничное богослужение в костёле, музыкально-театрализованное представление школьников в читальне) [40].

Согласно официальным польским сведениям, в октябре 1935 г. товарищество Св. Казимира имело 131 библиотеку, из

них абсолютное большинство располагалось в Свенцяном уезде. Лишь 5 таких библиотек существовало в Браславском уезде, несколько – в Гродненском. В 1935 г. в Браславском уезде существовало 5 светлиц, где изучали литовский язык, религию, занимались пением и играми [1, с. 215]. Там же зачастую располагались частные литовские школы после их закрытия, занимались домашним обучением, располагались детские приюты.

Товарищество «Ритас» акцент делало преимущественно на школьное образование. В марте 1926 г. в Лидском уезде оно содержало 11 школ, а 2 не смогли начать работу из-за отсутствия учителей [41]. В октябре 1933 г. товарищество «Ритас» развернуло работу по открытию библиотек и народных читален в гмине Марцинканцы Гродненского уезда. Руководителями этих заведений назначались преимущественно бывшие литовские учителя. В д. Вицюны данной гмины литовские дети не ходили в местную польскую школу, их обучала дома руководитель местного кружка «Ритас» [42]. В марте 1934 г. товарищество «Ритас» добивалось открытия народной читальни, библиотеки в деревнях Лаздуны и Бобровичи Воложинского уезда, однако уездный староста не дал разрешения [43]. В условиях административного давления и гонений удержать завоёванные позиции в школьном деле товарищество «Ритас» не смогло. Если в 1929 г. в Лидском уезде было 17 литовских школ, в Гродненском – 18, Браславском – 3, Ошмянском – 4, то к 1934/1935 учебному году ситуация кардинально изменилась. К этому времени осталось только 13 литовских школ (из которых не было ни одной в Лидском, Браславском, Ошмянском уездах) из 200,

что содержали Виленское и Свенцяном товарищества «Ритас» в 1927 г. [1, с. 121, 191].

Несмотря на идейно-политические расхождения, на местах происходило сотрудничество структурных единиц «Ритас» и товарищества Св. Казимира. Оказывалась различная помощь молодёжи (не только из литовских семей) в получении образования. В 1933 г. только из Воложинского уезда в Вильно обучалось 22 человека [44]. В марте 1936 г. после агитации руководителей читален «Ритас» отделы товарищества Св. Казимира в ряде населённых пунктов Гродненского уезда решили построить литовские народные дома для размещения там культурно-просветительских организаций, кооперативов, читален. По сведениям Белостокского воеводского управления, начатая акция охватила широкие слои местного населения, пользовалась большим удовлетворением литовцев [45]. В развёрнутую в середине 1930-х гг. культурно-просветительскими организациями акцию сбора сведений о положении литовского меньшинства на Виленщине были вовлечены студенты, руководители литовских библиотек, читален, учителя на территории Гродненского, Лидского и других уездов. Принимавших участие в данной акции активистов польские власти подозревали в качестве литовских шпионов [46].

В середине 1930-х гг. руководство литовских культурно-просветительских организаций обратило внимание на пограничные местности, где уровень национального самосознания литовцев оставался низким. Об этом свидетельствует проведение в ноябре 1935 г. съезда представителей товарищества Св. Казимира в

деревне Пеляса Лидского уезда. В ходе работы съезда указывалось на необходимость сдерживания ассимиляции литовцев со стороны славян (поляков, белорусов). Учитывая напряжённый характер преимущественно литовско-польских отношений, социальную структуру (крестьяне), специфику расселения литовцев (вне городов), потенциал национальных организаций можно было надеяться при благоприятных условиях на определённый успех. Через 2 года отдельные польские чиновники отмечали некоторые позитивные изменения в литовском национальном самосознании на белорусско-литовском пограничье [1, с. 300], однако при насильственном свёртывании поля деятельности литовских организационных структур возможностей для их закрепления не было.

Массированное наступление на литовское движение развернулось в 1935–1936 гг. Только в первой половине 1936 г. на территории Лидского уезда было закрыто 35 отделов, читален «Ритас» и товариществ Св. Казимира. Продолжили деятельность единичные кружки и читальни [47]. По состоянию на май 1936 г. в Гродненском уезде была запрещена деятельность 14 читален «Ритас», 12 отделов товарищества Св. Казимира, а до сентября 1936 г. потери составили соответственно 21 и 16 [48]. Местные литовцы негативно реагировали на акции насилия. В начале декабря 1936 г. Белостокское воеводское управление отмечало в Гродненском уезде факты возмущения литовской молодёжи закрытием национальных читален и библиотек [49]. После установления «временного затишья» летом того же года руководители читален, кружков и отделов

начали возвращаться назад, а осенью перешли на конспиративную деятельность, стремились создать сельскохозяйственные кооперативы [50].

Указанная волна репрессий привела к разгрому литовского культурно-просветительского движения. Если в 1934/1935 г. всего насчитывалось 49 кружков и 160 библиотек-читален «Ритас», то в феврале 1937 г. осталось соответственно 6 и 17 (из них ни одного в Браславском и Гродненском уездах). Фактически прекратило свою деятельность товарищество Св. Казимира – из 477 отделов и 217 библиотек-читален (1934/1935 г.) к февралю 1937 г. осталось соответственно 8 и 1 [51]. Такая ситуация имела отрицательные последствия для национально-культурной жизни литовцев, особенно в пограничных местностях.

С нормализацией в марте 1938 г. межгосударственных отношений между Польшей и Литвой на местах надеялись на скорейшее реанимирование запрещённых ранее организаций. Летом того же года бывшие руководители читален, учителя начали собирать подписи с просьбами о разрешении их деятельности. В Гродненском уезде было подготовлено ходатайство к министерству вероисповеданий и общественного просвещения Польши о возрождении работы местных отделов товарищества Св. Казимира. Кроме попыток возрождения литовского католического движения, к началу 1939 г. там составлялись декларации об открытии литовских школ [52]. Однако реальных результатов в этом направлении не было.

Действия по восстановлению литовских товариществ немного оживились после отъезда из Вильно в мае 1939 г. воеводы

Л. Боцянского. Староста Свенцянского уезда в отчёте за июль 1939 г. докладывал Вилейской уездной комендатуре государственной полиции, что «литовское население, в первую очередь литовские деятели, проявили значительную политическую активность в деле создания кружков литовских просветительских товариществ «Ритас» и «Культура» [53]. На белорусско-литовском пограничье польские власти целенаправленно не допускали создания любых литовских структур. Об этом свидетельствует секретное письмо министерства внутренних дел Польши на адрес виленского воеводы от 19 мая 1939 г. Согласно этому документу, школы и кружки товарищества «Ритас» могли возобновить свою деятельность только в тех местностях, где имелось литовское население. «Нельзя возобновлять их там, где население смешанное или имеет ещё недостаточное национальное сознание, чтобы таким образом не допустить литуанизации этого населения» [54]. Местная администрация неукоснительно следовала этим указаниям. К середине августа 1939 г. старосты Свенцянского и Браславского уездов отказались регистрировать кружки «Ритас» под предлогом того, что они там ранее не действовали [55]. Поэтому возрожденческий процесс не приобрёл массового характера, однако даже незначительная активность литовцев вызывала неадекватную, негативную реакцию польских властей [56].

В целом, отчёты местной польской администрации не являются всеохватывающими, полностью репрезентативными источниками по истории литовского просветительского движения в пограничных белорусско-литовских местностях. Однако

они представляют для исследователей ценность, несмотря на определённую степень субъективности в изложении фактического материала и оценках, способствуют углубленному изучению традиционных проблем данной проблематики и постановке новых задач. В частности, освещаются межэтнические и межконфессиональные отношения, функционирование 3-х основных факторов литовского движения (культурно-просветительских организаций, частных школ, ксендзов-литовцев).

Расширенный анализ данных источников позволяет сделать ряд выводов по указанной тематике. Особенно это касается взаимоотношений основных этнических сообществ (поляков, литовцев, белорусов). Литовско-белорусские отношения претерпели некоторую эволюцию, но не приобрели недружественного характера. Документы органов власти подтверждают наличие взаимных негативных стереотипов в литовско-польских отношениях, которые во многом предопределялись виленским вопросом и напряжённым характером межгосударственных отношений. Деятельность польских властей уже получила отрицательные оценки в предшествующих работах литовских и белорусских историков по межвоенной проблематике. Полностью согласны с А. Каспяровичусом в том, что рецидивы тех подходов сохраняются в исследованиях и на современном этапе [57, с. 104–115]. На наш взгляд, преодолевая стереотипность мышления, сейчас требуется не категорическое отрицание предыдущих выводов, а их переосмысление, взвешенный подход. Анализ отчётов местных польских властей не опровергает прежних оценок. С позиции

польских чиновников литовское движение являлось подрывным. Свои репрессивные действия относительно литовцев административные и полицейские власти обосновывали необходимостью противостоять их антигосударственной деятельности. Для литовцев Виленщины Польское государство являлось чужим. Социально-психологическая атмосфера в отношении поляков и литовцев особенно напряжённой была в пограничных (в том числе и литовско-белорусских) местностях. Уровень национального самосознания местного литовского населения на белорусско-литовском пограничье оставался низким, поэтому там культурно-просветительское движение не получило такой широкой поддержки, как в Свенцянском, Виленско-Трокском, Сувалковском уездах. Однако

отчётливо выделялись отдельные уезды (Лидский, Гродненский, Браславский), где были сильны позиции литовских организаций. При их активном участии хоть и медленно, но укреплялось национальное самосознание местных литовцев, поддерживалась их культура, язык. Отделы товарищества Св. Казимира в своей деятельности органически соединили национальные и религиозные ценности. Польские власти всячески им препятствовали, не хотели расширения ареала деятельности литовского движения. Небольшое количество библиотек, читален, школ в пограничных местностях давало польским властям возможность не только для ограничения деятельности литовского культурно-просветительского движения, но и его прекращения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Makowski B.* Litwini w Polsce, 1920–1939 / B. Makowski. Warszawa: PWN, 1986. 351 s.

2. *Makauskas B.* Vilnijos lietuviai, 1920–1939 metais: Versta iš lenkų k. / B. Makauskas. Vilnius: Mokslas, 1991. 269. [1] p.: iliustr.

3. *Martinkėnas V.* Vilniaus krašto lietuviškos mokyklos ir skaityklos 1919–1939 metais / V. Martinkėnas. Vilnius: Mokslas, 1990. 157 p.

4. *Зинквявичюс З.* Восточная Литва в прошлом и настоящем / З. Зинквявичюс. Vilnius: Mokslas ir enciklopedijų leidykla, 1996. 388 с.

5. *Lidos krašto lietuviai: monografija. 2 tomai / Red. komis.: N. Vėlius (pirm.) ir kt.* Kaunas: Poligrafija ir informatika, 2002. 332 p.

6. *Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 5.* Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэдактар) і інш. Мінск: Экаперспектыва, 2006. 613 с.; іл.

7. *Eberhadt P.* Przemiany narodowościowe na Litwie / P. Eberhadt. Warszawa: Przegląd wschodni, 1997. 307 s.: il.

8. *Wilno i Ziemia Wileńska: Zarys monograficzny.* T. 1. Wilno: Wydawnictwo Wojewódzkiego komitetu regionalnego, 1930. 334 s.: il.

9. Зональный государственный архив в г. Молодечно. Ф. 509, оп. 1, д. 9, л. 24.

10. Государственный архив Гродненской области (ГАГО). Ф. 200, оп. 2, д. 13, л. 254 обр.

11. *Łossowski P.* Stosunki polsko-litewskie, 1921–1939 / P. Łossowski. Warszawa: Instytut historii PAN; Łowicz: Mazowiecka wyższa szkoła humanistyczno-pedagogiczna, 1997. 388, [3] s.

12. См. подробнее: *Kaszuba E.* System propagandy państwowej obozu rządzącego w Polsce w latach 1926–1939 / E. Kaszuba. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2004. 411 s.; *Jakubiak K.* Wychowanie państwowe jako ideologia wychowawcza sanacji: Kształtowanie i upowszechnianie w periodycznych wydawnictwach społeczno-kulturalnych i pedagogicznych / K. Jakubiak. Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Bydgoszczy. Bydgoszcz: Wydawnictwa WSP, 1994. 226 s.; *Radomski G.* Narodowa Demokracja wobec problematyki mniejszości narodowych w Drugiej Rzeczypospolitej w latach 1918–1926 / G. Radomski. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, cop., 2000. 170 s.; *Paruch W.* Od konsolidacji państwowej do konsolidacji narodowej: Mniejszości narodowe w myśli politycznej obozu piłsudczykowskiego (1926–1939) /

W. Paruch. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1997. 424 s. и др.

13. ГАГО. Ф. 662, оп. 3, д. 61, л. 1–7.
14. ГАГО. Ф. 551, оп. 1, д. 208, л. 7–8.
15. ГАГО. Ф. 200, оп. 2, д. 6, л. 6–7.
16. ГАГО. Ф. 38, оп. 1, д. 13, л. 74.
17. ГАГО. Ф. 38, оп. 1, д. 19, л. 201–201 обр.
18. ГАГО. Ф. 38, оп. 1, д. 23, л. 9–11обр.
19. ГАГО. Ф. 38, оп. 1, д. 23, л. 69–71.
20. ГАГО. Ф. 38, оп. 1, д. 52, л. 349.
21. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИИ). Ф. 3, оп. 1, д. 241, л. 326–327.
22. *Gimžauskas E.* Baltarusijos veiksny formuojantis Lietuvos valstybei, 1915–1923 / E. Gimžauskas. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2003. 192 p.
23. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 242п, оп. 1, д. 70, л. 13–14.
24. ГАГО. Ф. 200, оп. 2, д. 7, л. 79.
25. ГАГО. Ф. 200, оп. 2, д. 8, л. 58.
26. ГАГО. Ф. 38, оп. 1, д. 19, л. 201 обр.; д. 22, л. 37 обр.
27. Центральний державний архив Литви (Lietuvos centrinis valstybės archyvas) (ЦГАЛ (LCVA)). Ф. 172, оп. 1, д. 1366, л. 370.
28. ЦГАЛ (LCVA). Ф. 172, оп. 1, д. 1367, л. 303.
29. ГАГО. Ф. 88, оп. 1, д. 22, л. 135.
30. ЦГАЛ (LCVA). Ф. 172, оп. 1, д. 3668; д. 3818, л. 22.
31. Kurier Wileński. 1932, Nr. 4.
32. ЦГАЛ (LCVA). Ф. 172, оп. 1, д. 3818, л. 9, 10.
33. Archiwum Akt Nowych (AAN). Zespól 9/1. MSW, sygn. 961, s. 91; ГАГО. Ф. 200, оп. 2, д. 9, л. 17.
34. ГАГО. Ф. 200, оп. 2, д. 12, л. 90, 108 обр.; д. 10, л. 138.
35. ГАГО. Ф. 662, оп. 3, д. 38, л. 204.
36. Зональный государственный архив в г. Молодечно. Ф. 4, оп. 1, д. 534, л. 114.

37. ГАГО. Ф. 200, оп. 2, д. 10, л. 74 обр.
38. Archiwum Państwowe w Białymstoku. Zespól 47, sygn. 70, s. 251.
39. Archiwum Państwowe w Białymstoku. Zespól 47. Sygn. 57. S. 120–121, 175, 198; sygn. 64. S. 167.
40. ГАГО. Ф. 662, оп. 3, д. 38, л. 97.
41. ГАГО. Ф. 200, оп. 2, д. 8, л. 87.
42. Archiwum Państwowe w Białymstoku. Zespól 47. Sygn. 70, s. 218; sygn. 73, s. 218; sygn. 82, s. 62.
43. ГАГО. Ф. 662, оп. 3, д. 38, л. 97 обр.
44. ГАГО. Ф. 200, оп. 2, д. 13, л. 258.
45. Archiwum Państwowe w Białymstoku. Zespól 47, sygn. 91, s. 33, 45.
46. Archiwum Państwowe w Białymstoku. Zespól 47, sygn. 77, s. 37; ГАГО. Ф. 662, оп. 3, д. 44, л. 2, 6, 11.
47. ГАГО. Ф. 662, оп. 3, д. 3, л. 44.
48. Archiwum Państwowe w Białymstoku. Zespól 47, sygn. 91, s. 58 обр.; AAN. Zespól 9/1. MSW, sygn. 1075, s. 9.
49. Archiwum Państwowe w Białymstoku. Zespól 47, sygn. 91, s. 93, 101 обр., 113, 127–127 об.
50. AAN. Zespól 9/1. MSW, sygn. 1075, s. 16.
51. AAN. Zespól 322. MSZ, sygn. 9382, s. 46.
52. ГАГО. Ф. 17, оп. 1, д. 352, л. 7; Archiwum Państwowe w Białymstoku. Zespól 47, sygn. 100, s. 74, 76; sygn. 107, s. 14 обр.
53. Зональный государственный архив в г. Молодечно. Ф. 10, оп. 1, д. 214, л. 6.
54. AAN. Zespól 9/1. MSW, sygn. 1073, s. 21.
55. AAN. Zespól 9/1. MSW, sygn. 1073, s. 41.
56. Зональный государственный архив в г. Молодечно. Ф. 10, оп. 1, д. 214, л. 28.
57. *Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku: Historiografia polska, litewska i białoruska po 1989 roku / Red. K. Buchowski i W. Śleszyński.* Białystok: Wyd-wo PRYMAT, 2003. 152 s.

LIETUVIŲ KULTŪROS IR ŠVIETIMO SAJŪDIS BALTARUSIŲ-LIETUVIŲ PARIBYJE 1920–1939 METAIS VIETINĖS LENKŲ ADMINISTRACIJOS POŽIŪRIU

Aleksandr Vabiščevič

Santrauka

Šis darbas parengtas remiant Baltarusijos respublikiniam fundamentalių tyrinėjimų fondui. Autorius straipsnyje mėgina nušviesti lietuvišką kultūros ir švietimo organizacijų, privačių mokyklų, lietuvių kunigų veiklą baltarusių – lietuvių paribyje pagal tai, kaip ji atspin-

dima apskričių ir vaivadijos lygio lenkų administracijos atitinkamuose dokumentuose. Panaudoti įvairūs šaltiniai (pirmiausia iš Baltarusijos, taip pat Lietuvos bei Lenkijos archyvų), kurių daugelis pirmą kartą pateko į mokslinę apyvartą. Atskirų mokyklų, bibliotekų,

Šv. Kazimiero bei „Ryto“ draugijų ratelių veikla parodyta lietuvių judėjimo visame Vilniaus krašte tekste.

Nusistatęs svarbiausias darbo kryptis ir išanalizavęs dokumentus autorius atskleidė nuotaikas ir pažiūras, vyraujančias tarp lietuvių kunigų, mokytojų, kultūros bei švietimo organizacijų žemutinių grandžių vadovų. Nors panaudoti šaltiniai yra subjektyvaus pobūdžio, juose nėra rimtos tarpkonfesinių ir tarptautinių santykių baltarusių–lietuvių paribyje analizės, jie leidžia daryti kai kurias išvadas dėl nagrinėjamų problemų. Lietuvių ir lenkų santykiai nušviečiami susiejus su įtemptais tarpvalstybiniais Lenkijos santykiais su Lietuva laikotarpiu tarp dviejų pasaulinių karų, tada egzistavusiais visuomenėje stereotipais. Archyviniai dokumentai patvirtina, kad lenkų valdžia labai neigiamai vertino lietuviškąjį judėjimą. Lenkų valdininkai vienareikšmiškai traktavo jį kaip ardą, nukreiptą prieš Antrąją Lenkijos Respubliką. Būtent tuo jie ir grindė savo represines priemones lietuvių atžvilgiu. Antra vertus, Vilniaus krašto lietuvių visuomenei Lenkija buvo svetimata valstybė. Ypač įtempti lenkų ir lietuvių santykiai buvo paribio (taip pat lietuvių–baltarusių) vietovėse. Vietinių lietuvių gyventojų tautinio sąmoningumo lygis

baltarusių–lietuvių paribyje dėl nedidelio jų skaičiaus ir kai kurių kitų priežasčių liko žemas. Todėl ten kultūrinė bei šviečiamoji veikla neįgijo masinės bazės, išskyrus Lydos, Gardino ir Breslaujos (Braslavo) apskritis, kuriose buvo stiprios lietuvių organizacijų pozicijos. Aktyviai veikiant Šv. Kazimiero draugijos skyriams, „Ryto“ rateliams ir bibliotekoms nors ir lėtai, bet tvirtėjų lietuvių tautinė savimonė, siekis išsaugoti savąją kultūrą bei kalbą. Lenkijos valdžios įstaigos ir politinės jėgos traktavo paribio žemes išimtinai kaip arealą lenkų kultūrai įtvirtinti. Todėl dargi nežymi lietuvių organizuoto judėjimo aktyvizacija sukėlė neadekvačią Lenkijos valdžios organų, kurie ketvirtojo dešimtmečio antroje pusėje jį faktiškai sutriuškino (tai turėjo neigiamų padarinių, ypač paribio vietovėse) reakciją.

Straipsnyje taip pat pateikta medžiaga apie lietuvių ir baltarusių sambūvį. Jų tarpusavio bendravime vietiniu lygmeniu pasireiškęs atšalimas, kuris vis dėlto nevirto priešišku, paaiškinamas baltarusių–lietuvių politinių santykių pokyčiais, glaudaus bendradarbiavimo tarp baltarusių ir lietuvių tautinių judėjimų nebuvimu, lietuvių tautybės gyventojų problemų nepaisymu Vakarų Baltarusijos komunistų partijos veikloje.

*Įteikta 2007-02-09
Parengta skelbti 2007-05-04*